

ВЫСШАЯ ШКОЛА И НАУКА В СССР HIGHER SCHOOL AND SCIENCE IN THE USSR

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.008
УДК 001.32(470) + 001.8 + 061.6(470) +
+ 331.222 + 331.024 + 331.108.5

Е. А. Долгова
*Российский государственный
гуманитарный университет*
Москва, Россия

КАК ПЛАТИЛИ УЧЕНЫМ: ДИНАМИКА И ПРИОРИТЕТЫ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье характеризуется динамика оплаты труда в сфере науки на протяжении советского периода. Выдвигается гипотеза, что изменения заработной платы, закрепленные в нормативных документах, отражают долговременные тенденции научной политики и осознанные решения власти по распределению ресурсов между различными группами (квалификационными, территориальными, представителями академической, вузовской, отраслевой науки и т. п.). Характеризуя изменения, автор приходит к следующим выводам: 1) в советской науке доминировала линия не на индивидуальное поощрение конкретного научного работника, а на поддержку научных коллективов, аффилированных с сектором (академический, вузовский, отраслевой) и конкретной организацией (в зависимости от присвоенной научной категории); 2) процессы стратификации советского научного сообщества носили скрытый характер и предполагали отсутствие конкурентного распределения ресурсов — периодические попытки стимулирования индивидуальной эффективности ученых имели «наказующий», а не «поощрительный» характер; 3) регулирование заработной платы оказывалось не вполне эффективным инструментом научной политики в условиях несовпадения реальной и номинальной заработной платы в сфере науки, инфляционных процессов, разницы товарной стоимости рубля для различных групп, непрозрачности советской экономики. В этом отношении оценка принципа материального стимулирования труда в науке должна носить комплексный характер, учитывать весь спектр практик не только финансового, но и социально-бытового обеспечения науки. Исследование построено на широком круге источников из фондов Государственного

архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская наука; научные работники; оплата труда; сектор науки; тарифы; оклад; стратификация

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Ц и т и р о в а н и е: *Долгова Е. А.* Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 120–137. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.008>

Поступила в редакцию: 18.02.2024

Принята к печати: 17.04.2024

Evgeniya A. Dolgova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

SALARIES IN SCIENCE: DYNAMICS AND PRIORITIES OF SOVIET POLICY

This article characterises the salary changes in the field of science during the Soviet period. The author puts forward a hypothesis that the changes in salaries fixed in regulatory documents reflect long-term trends in science policy and conscious decisions of the authorities to distribute resources between different groups (qualification, territorial, representatives of academic, university, and branch science, etc.). Characterising changes in salaries, the author concludes that 1) in Soviet science, the dominant line was not the individual economic motivation of a researcher, but the support of research teams affiliated with the sector (academic, university, branch science) or particular organisation; 2) the processes of stratification of the Soviet scientific community were of a hidden nature, implying the absence of a competitive distribution of resources, i. e. attempts to stimulate the individual efficiency of scientists were of a “punitive” rather than “incentive” nature; 3) wage regulation was an ineffective tool of scientific policy in conditions of the discrepancy between real and nominal wages in the field of science, inflationary processes, differences in the commodity value of the rouble for different groups, and the lack of transparency in the Soviet economy. In this respect, the assessment of the principle of material incentives for labour in science should be of a comprehensive nature, taking into account the whole range of practices of both financial and social and welfare support of science. The study draws upon a wide range of sources from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Contemporary History, including those introduced into the academic circulation for the first time.

Key words: Soviet science; academic staff; remuneration; academia; tariffs; salary; stratification

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the *Russian Science Foundation* grant 20-78-10095-П “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)”.

For citation: Dolgova, E. A. (2025). Kak platili uchenym: dinamika i priorityety sovetsoi nauchnoi politiki [Salaries in Science: Dynamics and Priorities of Soviet Policy]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 120–137. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.008>

Submitted: 18.02.2024

Accepted: 17.04.2024

Материальное вознаграждение не имеет определяющего значения для ученого, однако показывает приоритеты научной политики на том или ином этапе исторического развития страны. В СССР сложилась особая система материального стимулирования научного труда, основанная на внешне декларируемом принципе эгалитаризма и скрытых иерархических процессах внутри научного сообщества. В основе поощрительных, стратификационных, контролирующих практик советской модели управления наукой лежал наряду с мощными внеэкономическими стимулами доступ к социально-бытовому обеспечению ученых, одним же из ее инструментов была оплата их труда.

Анализируя нормативные документы по изменению заработной платы в сфере науки, важно учитывать непрозрачность советских экономических отношений. В стране строившегося, а потом и «победившего» социализма оклады трудящихся не могли радикально дифференцироваться. Однако в делопроизводственных документах отмечалось, что по сути институты жили на два «бюджета»: госбюджет и хоздоговор [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 144, л. 31]. Доход советского ученого не состоял лишь из его оклада, а включал ряд дополнительных выплат — стимулирующих, доплат за выполнение хоздоговорных работ, доплат (иногда существенных) за выполнение работ по «специальной тематике» из средств, выделяемых целевым назначением. Второе, что нужно учитывать, — влияние экономики: инфляционных процессов, допускающих разрыв между номинальной и реальной заработной платой. Наконец, дифференциация зарплат в полной мере не отражала неравенства в доходах. Товарное наполнение рубля (доступ к ассортименту товаров и услуг) было обусловлено различиями должности, места работы, прописки, занятости в той или иной отрасли хозяйства [Водичев, с. 66, 70]. В этом отношении говорить о сколько-нибудь достоверной реконструкции материального состояния советского ученого без анализа широкого социально-экономического контекста (как минимум, изучения рынка цен, сопоставления с бюджетами иных трудящихся групп) нельзя. Учитывая эти

ограничения, можно все же наметить ряд тенденций, характерных для различных периодов советской научной политики.

Тарифицировать и индексировать: к довоенному уровню

Ключевой задачей постреволюционного десятилетия стало восстановление довоенного уровня экономики (за условную дату был принят 1913 год), в том числе — уровня заработной платы различных профессиональных групп. За основу была принята тарифная система дифференциации заработной платы работников различных категорий, определенных в зависимости от сложности работ и требований к квалификации работников с помощью тарифных коэффициентов.

Нормы, установленные для научных работников и преподавателей, конкретизируют Положения об оплате труда служащих по учено-учебной части в ученых и научно-технических учреждениях, высших учебных заведениях, библиотеках, музеях и архивах РСФСР, принятые друг за другом (по причине инфляции) в 1918, 1919 и 1922 гг. Текст первых двух документов приводит любопытные формулировки квалификационных требований к должностям. Показательна их неформализованность: подчеркивался «опыт» (стаж, в том числе в качестве «помощника»), «специальные знания», «незаменимость», «недопустимость совместительств»¹. Эти характеристики — примета времени в условиях отмены в 1918 г. ученых степеней и званий, когда единственным критерием стала длительность профессионального стажа, также имели значение отзывы лиц и учреждений, известных своей научной репутацией.

Весной 1922 г. был разработан и утвержден новый тариф Союза работников просвещения: он разделял ученых на три большие группы: ученые-специалисты научных учреждений и преподаватели вузов (оплачивались по высшим 17–15 разрядам), научные работники (15–14 разряд), научно-технические сотрудники и высококвалифицированные техники (по 12–10 разрядам). По данным Л. В. Ивановой, ставки 17–15 разрядов устанавливались в 150, 125 и 85 руб. соответственно [Иванова, с. 189], однако и внутри группы были различия в коэффициенте выплат. Так, по учреждениям Наркомпроса самой высокой была заработная плата сотрудников Института красной профессуры (33 золотых руб. в мес., ноябрь 1922 г.), далее с большим отрывом шли комвузы (11 золотых руб. в мес.), сотрудники Академцентра, вузы и другие учреждения Главпрофобра получали 6,5 и 6 золотых руб. в мес. соответственно [Там же, с. 191].

¹ К последнему было особенно негативное отношение ввиду возможного дублирования пайков и выплат: «Профессоры, состоящие на службе одновременно в нескольких учреждениях либо занимающие в одном высшем учебном заведении несколько должностей, получали штатное вознаграждение лишь по одной должности, предоставив заявление администрации учреждения с указанием должности, за которую они желали получать содержание» [Декрет 1918].

Вопрос материального обеспечения научных работников приобрел особую остроту в середине 1920-х гг., когда по итогам НЭПа произошло подорожание цен на свободном рынке. Весной 1924 г. Цекпрос и СНР провели обследование зарплаты в вузах. Оно показало, что по сравнению с учителями, получавшими 75 % довоенной зарплаты, профессора и преподаватели имели только 2 % [Сергиевский, с. 176–177, 179]. Средний оклад преподавателя составлял в Москве 100 руб. в мес., а в Ленинграде — 85 руб. По представлению Секции научных работников, в 1924 г. Совнарком создал Комиссию «по вопросу об улучшении материального положения профессуры и квалифицированных научных работников» во главе с А. Д. Цюрупой [Шальнев]. Важным мероприятием стало проведенное в мае 1925 г. бюджетное обследование научных работников, показавшее глубокие процессы дифференциации внутри сообщества [Мазур, Долгова]. Его результаты показали, что уровень жизни дисциплинарных, квалификационных, а также региональных (столичных, республиканских, провинциальных групп) отличался [Канчеев, 1927]. Так, проблематичным было приведение местных выплат в соответствие с общереспубликанскими тарифами (доходило до участия представителей местных секций научных работников в расценочно-конфликтных комиссиях по месту трудоустройства) [Канчеев, 1925]. Это неудивительно: местные бюджеты зачастую базировались на дотациях союзного Совнаркома, однако были вынуждены выполнять требования общетарифной политики.

По итогам обследования уровня жизни научных работников СНК СССР было принято решение повысить с 1 декабря 1925 г. ставки для профессоров вузов с 80 до 100 руб. в мес., работников научных организаций — до 80 руб. [Иванова, с. 194]. 25 июня 1927 г. газета «Известия» сообщила о решении СНК РСФСР «повысить зарплату профессорам вузов до 140 руб., а научным работникам в системе Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомзема на 15–30 %» (так. — Е. Д.) [Известия ЦИК СССР, 1927, 25 июня]. На II Всероссийском съезде научных работников сообщалось, что в 1927 г. зарплата профессора и научного работника составляла в среднем 200 червонных руб. (против 182 руб. в 1925 г.), что было равно 45 % довоенной [Канчеев, 1927, с. 30]. Наркомпросу поручалось приступить к разработке «твердой системы штатных должностей» в вузах и научных учреждениях — штатное расписание было введено в системе Главнауки с 1 июня 1924 г., а в учреждениях Главпрофобра (в вузах) — с 1927 г. [Иванова, с. 192–193].

Однако, несмотря на индексацию заработной платы и популяризацию властных решений по ее повышению в периодике, ученый в 1920-е гг. ощущал свое материальное неблагополучие. В письме профессора с уникальным сочетанием научных интересов — химика и историка искусства В. Я. Курбатова к Н. П. Горбунову² (1927) отмечалось:

² По просьбе Куйбышева было подготовлено для печати в газете «Правда» под названием «Необходимое условие расцвета науки в России». — *Прим. авт.*

...вопрос наиболее долгого использования наличного кадра... положение их сейчас почти катастрофическое, если данный ученый является заметной величиной. Как профессор он получает всего 110–140 руб., на что, конечно, ни одинокий, ни тем более семейный профессор жить не может. Поэтому ему приходится искать совместительство или побочных занятий в виде участия в разных комиссиях, консультантства в трестах, на заводах и фабриках, в лучшем случае работы в научно-исследовательском институте. В результате $\frac{9}{10}$ рабочего времени уходит на переезды со службы на службу. Нет времени ни прочесть новую книгу, ни обдумать новую теорию, ни написать статью или книгу. Положение, действительно, угрожает быстрым выбытием из строя наиболее ценных профессоров... и триста рублей жалованья еще не устроят профессора ввиду целого ряда расходов, которых нет у рядового обывателя, например, покупка книг³, оплата перевода научных работ для помещения в иностранных журналах. Важно лишь то, чтобы по своему основному месту службы он был бы обеспечен своим прожиточным минимумом и чтобы тот ученый, который увлечен наукой, мог оставить все дополнительные заработки и работать только в своей лаборатории или своем кабинете [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 11–11 об.].

Опыт совместительства был: «...немало ученых, которые уже в 1918–1920 годах читали лекции в клубах, на образовательных курсах, получая за лекцию фунт хлеба и две конфеты, а позже работали в общественных организациях, например, Авиохиме, не получая ничего как вознаграждение, не окупающее часы, отнятые у отдыха после двенадцатичасового трудового дня» [Там же, л. 13]. В ответ на прямой вопрос Н. П. Горбунова, «что нужно сделать, чтобы Академия наук заработала?» Курбатов писал, что «этот вопрос относится ко всей русской науке» — говоря о химии, он подчеркивал, что из-за высокой нагрузки одни ученые «остановились на науке 1900-х гг., другие — на науке 1915 г.»:

Практика показывает, что семейный ученый должен тратить 500–600 рублей... Инженеры за участие в разного рода комиссиях и консультирование в трестах, доктора благодаря частной практике, выдающиеся ученые, получающие персональные ставки, зарабатывают часто значительно больше 600 руб. (у нас в институте многие зарабатывают в трестах, на заводах, в Гипромезе, в Комиссиях по изобретениям выше 1000 руб.). Но каково не инженеру и не доктору, а теоретику, хотя бы и близкому к производству? [Там же, л. 15–15 об.].

Расставить приоритеты: к отраслевой дифференциации

«Производственный» фактор резко вышел на первый план в годы индустриализации. В соответствии с приоритетами государственной политики в 1930-е гг. была принята установка на приоритетную поддержку групп ученых, аффилированных с определенными секторами науки — прежде всего отраслевых

³ Далее в письме отмечалось: «профессор, если он действительно работает, то он не может не покупать новых книг по своей специальности... должен выписывать и покупать не менее двух заграничных книг в месяц, то есть тратить 25–35 рублей, и это — из получаемых 125. Вот в чем катастрофа» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 13].

учреждений. Но зарплаты и внутри сектора оказались дифференцированы. Высокую заработную плату (по условиям контракта — до 1932 г. с обязательной валютной частью⁴) по типовым и индивидуальным трудовым соглашениям получали иностранные специалисты, в значительном числе приезжавшие в СССР в годы двух первых пятилеток [Ермушин, Беляев, с. 39]. Различия в оплате иноземцев и советских работников промышленности старались демпфировать, периодически повышая заработную плату последним.

Однако принятые решения о повышении окладов работников отраслевого сектора отзывались диспропорцией выплат с другими организациями. В обращениях тех лет отмечался дисбаланс между зарплатами академических и отраслевых учреждений — в письме химика, академика Л. В. Писаржевского описывалась конкуренция между учреждениями академического и отраслевого сектора в Днепропетровске и практики «сманивания» сотрудников — кроме повышенной заработной платы (для сравнения: ставка доктора наук, старшего научного сотрудника в промышленности была не менее 900 руб. в мес., а в академическом учреждении не превышала 350 руб. в мес. [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 20, ед. хр. 2493, л. 25]) в отраслевых учреждениях квалифицированные сотрудники получали и руководящие должности [Там же, л. 8]. О том, что «ставки жалования в Академии наук УССР необыкновенно низки» свидетельствовало и письмо В. М. Молотову Президента АН УССР А. А. Богомольца от 26 декабря 1936 г., инициированное повышением окладов действительным членам и членам-корреспондентам АН СССР осенью 1936 г. [Там же, л. 25–26]. В коллективном письме сотрудников Института химии УССР от 1 мая 1937 г. в газету «Правда» (месяцем ранее они писали в приемную В. М. Молотова и не получили ответа) отмечалось, что в системе Академии наук УССР, «объединяющей 25 научно-исследовательских учреждений с общим бюджетом на 1917 г. около 20 млн руб., существуют мизерные ставки оплаты труда сотрудников... особенно малы ставки лаборантов и младших научных сотрудников» [Там же, л. 11]. Подчеркивалось, что лаборанты, работавшие в академических институтах, «все — люди с высшим образованием и фактически... являются младшими научными сотрудниками» [Там же].

В 1936 г. Академия наук СССР обратилась с ходатайством о повышении заработной платы сотрудникам, мотивируя обращение существенным отставанием от ставок зарплаты научных работников ведомственных научно-исследовательских институтов: если директора НКТПрома получали оклады

⁴ Зарботная плата иностранных специалистов состояла из рублевой фиксированной части и подвижной, постоянно корректировавшейся, валютной. В начале 1931 г. ВСНХ, под давлением Наркомата финансов, выпустил секретную «Инструкцию по приглашению в СССР из-за границы инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих», где валютные выплаты ограничивались 40 % оклада, а сам оклад должен был составлять не более 1 200 рублей, за исключением особых случаев. С 1932 г. даже для высококвалифицированных специалистов была ликвидирована валютная часть оплаты, которая компенсировалась высокой рублевой частью [Коньшева, с. 30].

в 2 тыс. руб., директора институтов Академии — менее 1 тыс. руб. [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 28]. Эта просьба была поддержана: с 1 января 1937 г. оклад действительного члена АН СССР составил 1 тыс. руб. в мес., члена-корреспондента — 500 руб. в мес.; предусматривались и персональные оклады особо выдающимся академиком (по утверждению СНК СССР) в размере 3 тыс. руб. в мес.; тогда же были повышены оклады научному и научно-техническому персоналу⁵. Вслед за окладами сотрудников Всесоюзной академии были увеличены оклады для научных работников и членов АН УССР (они были на 15–30 % ниже — за звание действительного академика 750 руб. в месяц, члена-корреспондента — 400 руб., персональные оклады составляли 2 тыс. и т. д.) [Там же, л. 30–31]. Внимание к просьбам академических учреждений в эти годы объяснялось перестройкой их работы (плановый, прикладной характер исследований), учреждением и расширением в ее структуре Отделения технических наук, рядом компромиссов, включая важнейший — перевод учреждений АН СССР из Ленинграда в Москву в 1934–1936 гг.

«Заслуженная награда»: к привилегиям работников науки

Курс на дифференциацию обеспечения различных секторов был продолжен и в послевоенный период, однако был смягчен общим повышением окладов работникам науки и улучшением материально-бытовых условий их жизни. Специальным Постановлением СНК СССР от 6 марта 1946 г. были серьезно повышены должностные оклады всем категориям научных работников — академических учреждений (АН СССР, отраслевых и республиканских академий, республиканских филиалов и баз — именно зарплаты этой группы работников были поставлены на первое место по уровню выплат); научных сотрудников научно-исследовательских институтов наркоматов и ведомств (союзного и республиканского подчинения)⁶; профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений (в зависимости от стажа). Индексация затронула все категории — от ассистентов и преподавателей до членов Президиума АН СССР. Постановлением выплаты впервые были дифференцированы в соответствии с ученой степенью, а также — последнее стало ключевым — административной

⁵ Для директоров — от 1 500 до 2 000 руб. в месяц, для руководителей лабораторий, отделов и секторов институтов — от 750 до 1 500 руб., для старших научных сотрудников и специальных аспирантов АН СССР — от 600 до 800 руб., для младших научных сотрудников — от 400 до 600 руб. в месяц, для научно-технических сотрудников — от 250 до 400 руб. [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 27].

⁶ Важнейшие научно-исследовательские институты наркоматов и ведомств по списку, утверждаемому СНК СССР, приравнивались в отношении окладов к научным учреждениям АН СССР. В их числе были Центральный аэрогидродинамический институт Министерства авиационной промышленности, Государственный оптический институт Министерства вооружения и Физико-химический институт Министерства химической промышленности [Там же, л. 43, 59].

позицией сотрудника. Дополнительно документ регулировал снабжение ученых работников промышленными и продовольственными товарами (их отпуск также определялся должностью, ученой степенью и ученым званием научного работника), жилищное строительство, выделение легковых автомобилей в личное пользование отдельным ученым — членам-корреспондентам и действительным членам АН СССР [Долгова; Пушкарёва]. Особое внимание в те годы уделялось экономическому и социально-бытовому обеспечению «закрытых» научных коллективов, учитывая «большую значимость и ответственность работ, особые режимные условия и ограниченность выезда» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 69–70; об обеспечении см.: Мельникова]⁷. Улучшение материального положения ученых в 1940-е гг. легло в основу мифологемы «заслуженной награды», транслируемой в кинематографе и художественной литературе тех лет. Образ «здоровой зажиточности и бытового изобилия», подчеркивающий особый статус ученых и их привилегированное положение, обусловленное значением их труда, нашел отражение в экспортной комедии Г. В. Александрова «Весна» (1947), интерьерах фильма «Суд чести» (1948) и др. Неслучайно и героями этих фильмов, наслаждающихся заслуженным почетом, являются администраторы — директор Института Солнца при Академии наук СССР (Никитина), директор НИИ экспериментальной медицины Добротворский и т. д.

Улучшение обеспечения всех категорий ученых (оклады еще дважды повышались, к середине 1950-х гг. они увеличились в четыре раза по сравнению с 1938 г. [РГАНИ, ф. 5, оп. 29, ед. хр. 40, л. 122]) имело и иные, негативные, эффекты — увеличение численности сотрудников, привлеченных в науку исключительно материальными стимулами, усиление духа «стяжательства» в научном сообществе в целом. В аналитической записке заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по подбору и распределению кадров в 1955 г. отмечалось: «среди научных и научно-педагогических работников появилось немало лиц случайных, примазавшихся к науке, которые ученую степень и звание рассматривают лишь как средство получения различных материальных выгод. Примитивная философия таких “научных работников” выражается в распространенном изречении: “Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан”» [Там же, л. 113]. Широкое распространение получило совместительство, на которое в 1940-е гг. «закрывали глаза»: в документах указывалось, что отдельные академики и члены-корреспонденты АН СССР, доктора и кандидаты занимали по 6–8 должностей в различных учреждениях [Там же, л. 153–154]⁸.

⁷ Проблемы в материальном обеспечении работников Атомного проекта начались после перевода его в состав Министерства среднего машиностроения: распоряжением Совмина от 17 ноября 1955 г. было отменено увеличение должностных окладов, за исключением 20 самых высококвалифицированных ученых. Снижена была зарплата и сотрудникам Научно-исследовательского института № 1011 на Урале [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 69–70].

⁸ Специальным решением Президиума АН СССР от 5 июля 1946 г. было установлено, что педагогическая работа академиков в *объеме полной нагрузки по одной штатной должности* не требовала особого разрешения [РГАНИ, ф. 5, оп. 35, ед. хр. 14, л. 52].

Совместителей укоряли в низкой научной результативности вследствие распыления усилий, неэффективной работе с аспирантами, препятствовании выдвижению молодых научных и научно-педагогических кадров на занимаемые совместителями позиции, монополизации отдельных научных отраслей [РГАНИ, ф. 5, оп. 29, ед. хр. 40, л. 114].

Другой проблемой стала неравномерность оплаты труда работников разных секторов науки при очевидном различии интенсивности работы. В первую очередь это касалось научно-педагогических работников: в аналитической записке под названием «О крупных недостатках в подготовке, распределении и использовании научных и научно-педагогических кадров» (1955) отмечалось: «в настоящее время 6-часовой рабочий день преподавателей делится на две части, из них одна часть — на учебные занятия, и вторая — выполнение научно-исследовательской работы, которую фактически ведут немногие преподаватели» [Там же, л. 117]. Во-вторых, отсутствовали стимулы и в оплате труда научных работников промышленности, трудившихся в лабораториях, конструкторских бюро, на опытных заводах и участках: на них не распространялось действие Постановления 1946 г., и зарплата была существенно ниже, чем у сотрудников вузов и научных организаций, отсутствовали льготы и поощрения-надбавки (за знание иностранных языков, научную степень⁹). В связи с этим подавляющая часть специалистов-производственников после защиты переходила в научные учреждения и высшие учебные заведения, где наличие ученой степени автоматически приводило к повышению заработной платы (интересно, что в качестве меры предлагалось закреплять их на производстве на два года [Там же, л. 118]). В-третьих, установленный коэффициент стимулирования ученых степеней и званий не вполне учитывал стаж работы. В письме начальника Главного управления учебными заведениями Министерства здравоохранения СССР Г. Е. Островерхова (1955) отмечалась ненормальность распределения заработной платы, когда опытный специалист и хороший преподаватель с большим стажем работы получал зарплату в два раза меньше, чем кандидат наук с трехлетним стажем учебы в аспирантуре, зачисленный ассистентом [Там же, л. 108]. Наконец, не учитывалась текущая эффективность научных работников или отсутствие таковой — выплаты предполагали только окладную часть [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 127]. Однако, все эти недостатки политики по оплате научного труда в целом смягчались принятой установкой на приоритетное социально-экономическое обеспечение ученых.

⁹ В письме главного конструктора Кировского завода т. Козина от 1 июля 1955 г. Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину предлагалось распространить на докторов и кандидатов наук промышленности надбавки за степени [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, ед. хр. 103, л. 167–168].

**«Не за кусок хлеба, не за высокую оплату...»:
упорядочение заработной платы в 1950–1960-е гг.**

Изменения в политике по оплате труда работников науки и высшего образования произошли в годы оттепели. 1 марта 1955 г. в коллективном письме группы профессоров Ташкентских высших учебных заведений Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву отмечалась забота Партии и Правительства о повышении жизненного уровня всех трудящихся, особенно «сказывающаяся на научных работниках, получающих *очень* высокую оплату за свой труд» (курсив мой. — Е. Д.) и в ежегодном снижении цен [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 112]. Подчеркивалась высокая этика ученых, трудящихся «для радости творчества, для пользы, приносимой их трудом любимой Родине, а не за кусок хлеба, не за высокую оплату» [Там же, л. 112–112 об.]. В связи с необходимостью экономии средств, которые «могут и должны быть обращены на дальнейшее развитие промышленности, освоение целинных земель и другие цели, способствующие росту нашей Родины», научные работники Ташкента подчеркивали, что «труд людей науки во многих ее отраслях при современном развитии науки, промышленности и техники, не требует той высокой оплаты, которая сейчас существует, <...> т. е. и само овладение наукой становится легче», и призывали и других научных работников СССР поддержать их просьбу «снизить на 50 % оплату нашего труда» [Там же, л. 112 об.].

Процесс «упорядочения» заработной платы¹⁰ начался с отмены существовавших надбавок «за отдаленность» — их с 1938 г. получал профессорско-преподавательский персонал высших учебных заведений Узбекской, Туркменской, Таджикской, Казахской и Киргизской ССР, Дальневосточного края, Бурят-Монгольской и Якутской областей (30 %); отдаленных Иркутской области, Красноярского края, г. Ташкента (20 %), Архангельской, Омской, Новосибирской областей и Алтайского края (10 %) [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 74–75]. Введение этих надбавок в конце 1930-х гг. должно было способствовать привлечению работников высшей школы в регионы, однако спустя 17 лет было констатировано, что подготовка научно-педагогических кадров успешно осуществляется за счет местной аспирантуры. Кроме того, как повод для сокращения был использован и аргумент «выравнивания» — сотрудникам отраслевых НИИ в регионах эти надбавки не выплачивались. В связи с этим, с 1 сентября 1955 г. надбавку 15 % оставили только для высших учебных заведений Якутской АССР, Хабаровского и Приморского краев, Сахалинской и Амурской областей [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 123]. В начале 1960-х гг. региональные выплаты были частично возвращены — установлена урало-сибирская надбавка в размере 20 %. Так, например, в 1966 г. при рассмотрении в Госплане СССР и Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике проекта плана работ

¹⁰ Общим их вектором видится отмечаемый в историографии популизм: сокращение разницы в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий [Водичев, с. 167].

по научно-исследовательским учреждениям РСФСР на 1966 г. фонд заработной платы по новому Сибирскому отделению АН СССР был определен в сумме 27 831 тыс. руб. (с учетом средней заработной платы на одного работника научно-исследовательского учреждения в размере 1497 руб.), запрашивался дополнительный фонд заработной платы в сумме 119 тыс. руб. на повышение заработной платы низкооплачиваемым работникам, 71 тыс. руб. — в связи с введением районного коэффициента к заработной плате работников научно-исследовательских учреждений отделений, расположенных в районах Крайнего Севера [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 100, ед. хр. 1040, л. 1–2]. Постановлением Совета Министров от 21 ноября 1964 г. повышенный коэффициент 1,3 был установлен для заработной платы в закрытых городах [РГАНИ, ф. 5, оп. 35, ед. хр. 215, л. 205].

В середине 1950-х гг. были предприняты меры по дифференцированию оплаты и стимулированию текущей эффективности научно-исследовательской работы сотрудников учреждений: были введены понижающие коэффициенты для руководящих работников, имеющих ученую степень не доктора, а кандидата наук, директорам было предоставлено право дифференцировать оклады сотрудников в зависимости от их научной результативности. Кроме того, с 1 января 1957 г. был утвержден конкурсный порядок замещения вакантных научных должностей и введены периодические конкурсы через каждые пять лет на право занимать соответствующую научную должность [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 143]. В числе положительных для ученых нововведений было распространение надбавок за ученую степень кандидата (400–600 руб. в мес.) и доктора наук (800–1000 руб. в мес.) на сотрудников промышленных предприятий [Там же, л. 126–129].

5 июня 1957 г. было принято еще более радикальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об оплате труда работников науки»¹¹. Были резко снижены выплаты за ученое звание действительного члена и члена-корреспондента АН СССР, должностные оклады руководящему составу академий наук, руководящему и профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений, руководящим и научным работникам научных учреждений. Примечательным было и иное нововведение: научные учреждения и высшие учебные заведения оказались разделены на три группы — по степени значимости

¹¹ Также с 1959 г. были ограничены и регламентированы выплаты членам семей умерших действительных членов Академии наук СССР (введены в 1943 г.): жена получала право на выплаты при условии достижения возраста нетрудоспособности (50 лет) или инвалидности, наличии несовершеннолетних детей (до 16 лет): при отсутствии детей 1 500 руб. в мес., при наличии одного ребенка 2 000 руб., двух и более детей — 2 500 руб.; круглые сироты имели право на выплаты 750 руб. в мес. на каждого ребенка. По сравнению: согласно Постановлению Совнаркома от 28 декабря 1943 г., жена академика имела право на пожизненную выплату в размере 50 % оклада мужа, при наличии несовершеннолетних детей — 75 %. Это пособие выплачивалось вне зависимости от возраста и состояния трудоспособности жены академика, а также — наличия других источников дохода [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 99–105].

проблематики. К первой группе были отнесены научные учреждения, разрабатывавшие особо важные научные проблемы, имевшие общегосударственное значение; ко второй — учреждения, разрабатывавшие проблемы, имевшие большое значение для ведущих отраслей народного хозяйства и развития культуры; к третьей — все остальные научные учреждения; вузы дифференцировались по «значению отрасли народного хозяйства и культуры, для которых готовит кадры данное высшее учебное заведение» и числу студентов [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 7]. Категории учреждений различались финансированием, в том числе оплатой труда сотрудников. Таким образом, данное постановление отменило жесткое государственное регулирование заработной платы научно-педагогических работников, ввело элементы ее гибкости.

Задачи и решения: корректирующие эффекты тарифной политики в 1960–1980-е гг.

Использование инструмента финансирования обеспечивало если не решение, то смягчение ряда проблем государственного управления наукой в позднесоветский период. Продемонстрируем, как, пользуясь им, предпринимались попытки скорректировать некоторые негативные черты — негативные эффекты разорванной сети научных организаций, межотраслевой разобщенности, старения научных кадров. Интересно, что порой использовался инструмент «исключения из правила».

Ключевой проблемой была неравномерность кадрового обеспечения — растянутость научной карты СССР требовала значительного числа сотрудников вузов и научных организаций. Решения начала 1960-х гг. создали затруднения для локальных, как правило узких, научных сообществ: постановлением Совета Министров от 10 декабря 1959 г. было принято решение о строгом запрете штатного совместительства — для профессорско-преподавательского состава оно разрешалось лишь на условиях почасовой работы; в случае совмещения суммарная заработная плата не могла превышать 1,5 оклада. В случае выявленного совместительства следовало увольнение со второго места работы без выплаты выходного пособия [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 103]. В 1960 г. совместительство разрешили во вновь образованных вузах союзных республик и в районах с недостаточной сетью научно-исследовательских учреждений [Там же, л. 111]. Также в целях стимулирования межотраслевого взаимодействия было легализовано «перекрестное» совместительство: руководящим работникам и старшим научным сотрудникам НИИ, имеющим ученую степень или звание, разрешалось оплачиваемое совместительство в одном учреждении или вузе, а профессорам и доцентам вузов — в одном НИИ, с зарплатой не свыше 50 % оклада по совмещаемой должности [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 69, л. 72]. Межотраслевому взаимодействию должны были способствовать и меры привлечения в вузы и НИИ специалистов-практиков, имевших большой опыт работы на производстве, но не обладавших ученой степенью. В проекте Постановления

о мерах улучшения качества диссертационных работ и порядка присуждения ученых степеней и званий (1960) предлагалось назначать этим работникам на период до трех лет оклады в размерах, предусмотренных для кандидатов наук на соответствующих должностях [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 69, л. 71].

Обозначенную в начале 1960-х гг. проблему старения научных кадров должно было решить введение дополнительных гарантий пенсионного обеспечения — кроме увлечения профессией, длительную продолжительность рабочего стажа для возрастных научно-педагогических работников стимулировал резкий разрыв между должностными окладами и доходами после выхода на пенсию. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 г. «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» предусматривалось введение в вузах должности профессора-консультанта: она замещалась из числа вышедших на пенсию докторов наук. Выполняя 50 % установленной для штатных работников учебной нагрузки (это были 2–3 присутственных дня в неделю преимущественно для консультирования аспирантов), профессор-консультант получал 50 % оклада с сохранением пенсии (но не выше 350 руб. суммарно) [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 70, л. 28]. Постановлением 1962 г. аналогичные должности (научный консультант и старший научный сотрудник-консультант) были введены и в АН СССР для квалифицированных сотрудников старше 65 лет, продолжавших вести научную работу и работать с аспирантами. Для консультантов сохранялось 50 % оклада по основному месту работы [Там же, л. 47], но любая форма совместительства (внешнего либо внутреннего) для них запрещалась. В этом отношении дополнительные выплаты для консультантов, уступивших свои рабочие места новой когорте ученых, должны были обеспечить эффект «омоложения» профессионального научного сообщества в целом.

Еще одной осознаваемой проблемой советской науки было наличие значительного слоя научных работников с невысокой результативностью, усугубляемой уравнительностью заработной платы. В позднесоветский период были приняты нормативно-правовые акты, направленные на стимулирование индивидуальной инициативы работника. В частности, п. 30 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» закреплял создание в научных учреждениях фондов материального поощрения — для премирования работников, вознаграждения их за годовые итоги работы, оказания единовременной помощи. Постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. «Об оплате труда работников научно-исследовательских учреждений, конструкторских и технологических организаций и вычислительных центров» установило должностные оклады не имеющим ученой степени руководящим, научным инженерно-техническим работникам, руководящим и инженерно-техническим работникам стратегически важных организаций — конструкторских, проектно-конструкторских, проектно-технологических и конструкторско-технологических организаций и вычислительных центров,

находящихся на самостоятельном балансе, а также служащим и младшему обслуживающему персоналу этих учреждений. Наконец, в Постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 мая 1985 г. «О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности» была подтверждена гибкость зарплатообразования: руководителям научных организаций было предоставлено право изменять (повышать или понижать) должностные оклады указанных работников по результатам аттестации в пределах максимальных и минимальных размеров по соответствующей должности, без учета средних окладов, действующих в этих объединениях. Проблема заключалась в том, что критерии распределения добавочных средств оставались непрозрачными, во многом определялись спецификой иерархических отношений внутри научного направления и персонализмом. Последнее нашло отражение даже в советском кинематографе («Наш папа — майонез», «Дорогой Эдисон», 1986).

Заключение

Характеризуя динамику изменения заработной платы в сфере науки на протяжении советского периода, можно выделить несколько тенденций.

Во-первых, в советской науке доминировала линия не на индивидуальное поощрение конкретного научного работника, а на поддержку научных коллективов, аффилированных с сектором (академический, вузовский, отраслевой) и конкретной организацией (в зависимости от присвоенной научной категории). В этом отношении можно говорить об иерархии в оплате труда, в основу определения позиций была положена диспропорция ресурсного (в том числе финансового) обеспечения. Присутствовал некий отраслевой дисбаланс — в зависимости от приоритетов государственной политики по-разному финансировались секторы, постепенно в иерархии выкристаллизовался безусловный приоритет Академии наук СССР, признанной ведущим научным учреждением страны. Однако и внутри секторов существовала иерархия: например, оклады сотрудников республиканских академических учреждений были ниже окладов сотрудников АН СССР.

Во-вторых, скрытый характер процессов стратификации советского научного сообщества предполагал отсутствие конкурентного распределения ресурсов — периодические попытки стимулирования индивидуальной эффективности ученых носили «наказующий», а не «поощрительный» характер. Объем материальных гарантий зависел не только от квалификации конкретного научного работника, но и (порой это становилось определяющим) от его административных позиций в конкретной организации (происходит сращивание административного и научного капитала), имели место персонализм и непрозрачность стимулирования. Гарантированность же базовых окладных выплат вела к образованию в организациях значительного слоя неэффективных и слабо мотивированных работников. Привычка к материально-экономическим гарантиям

болезненно отозвалась уже в 1990-е гг., в условиях перехода к модели рынка научных знаний.

В-третьих, можно утверждать, что регулирование заработной платы оказывалось не вполне эффективным инструментом научной политики в условиях несовпадения реальной и номинальной заработной платы в сфере науки. Его применение в 1920-е гг. носило характер индексации (выдаваемой за повышение) и не успевало за инфляционными процессами. В годы индустриализации и развертывания военно-промышленных программ распределение средств было дифференцировано в соответствии с приоритетными задачами научно-технического комплекса, однако зависело от субъективных факторов и сопровождалось конкурентными процессами внутри научного сообщества. Резкое снижение окладов в годы хрущевских реформ не совпадало с реальными процессами в экономике и было продиктовано задачей перераспределения ресурсов. Наконец, показательное использование инструмента точечной корректировки властных решений (частичного разрешения совместительства, стимулирования индивидуальной инициативы на отдельных мероприятиях и т. д.) в зрелый и позднесоветский период.

Таким образом, заработная плата в сфере науки в силу скрытых процессов экономики и негибкости тарифной политики является не самой показательной переменной для анализа материального обеспечения советских ученых, реконструкции их повседневной жизни. Учитывая непрозрачность советской экономики в целом, оценка принципа материального стимулирования труда в науке должна носить комплексный характер, учитывать весь спектр практик не только финансового, но и социально-бытового обеспечения науки. Однако изменения оплаты труда, закреплённые в нормативных документах, отражают долговременные тенденции научной политики и осознанные властные решения по распределению ресурсов между различными группами (квалификационными, территориальными, отраслевыми) в составе советского научного сообщества.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 20. Ед. хр. 2493; Оп. 100. Ед. хр. 1040.

Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789. Пункт 6.

Известия ЦИК СССР. 1927. 25 июня.

Канчев А. А. Итоги и перспективы экономической работы Секции научных работников на местах // Научный работник. 1925. № 3. С. 161–166.

Канчев А. А. Материальное положение научных работников и системы оплаты их труда // Научный работник. 1927. № 1. С. 22–35.

Мазур Л. Н., Долгова Е. А. База данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620352, дата регистрации 28 февраля 2022 г.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 33. Ед. хр. 69, 70, 140, 141, 144; Ф. 5. Оп. 29. Ед. хр. 40; Оп. 30. Ед. хр. 103; Оп. 35. Ед. хр. 14, 215.
Сергиевский Ю. В. Материальное положение научных работников // Научный работник. 1925. № 1. С. 169–179.

Исследования

Водичев Е. Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71)

Долгова Е. А. Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг. // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 142–166. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.1.9>

Ермушин М. В., Беляев Г. В. Советская политика по оплате труда иностранных инженеров в 20-е гг. XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 1. С. 39–41.

Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980.

Коньшева Е. В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток: Документы и материалы. М.: БуксМАРТ, 2017.

Мельникова Н. А. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М.: Российская политическая энциклопедия, 2022.

Пушкарёва Н. В. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.

Шальнев Е. В. Проблема денежного обеспечения научных работников советского государства в 1920–1930-х гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 617–621.

References

Dolgova, E. A. (2023). Dachy dlia akademikov: praktiki raspredeleniia i organizatsiia prostranstva, 1930–1980-e gg. [Dachas for Academicians: Practices of Distribution and Organisation of Space, 1930s–1980s]. *Upravlenie naukoj: teoriia i praktika*, 5(1), 142–166. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.1.9>

Ermushin, M. V., & Belyaev, G. V. (2016). Sovetskaia politika po oplate truda inostrannykh inzhenerov v 20-e gg. XX veka [Soviet Policy on Remuneration of Foreign Engineers in the 1920s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 1, 39–41.

Ivanova, L. V. (1980). *Formirovanie sovetskoi nauchnoi intelligentsii (1917–1927 gg.)* [Formation of the Soviet Scientific Intelligentsia (1917–1927)]. Moscow: Nauka.

Konysheva, E. V. (2017). *Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh piatiletok: Dokumenty i materialy* [European Architects in Soviet Urban Planning of the Era of the First Five-year Plans: Documents and Materials]. Moscow: BooksMART.

Mel'nikova, N. A. (2022). *Sovetskii atomnyi projekt: opyt kadrovogo obespecheniia* [The Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing]. Moscow: ROSSPEN.

Pushkareva, N. V. (2016). *Kogda zarplaty byli bol'shimi: material'noe pooshchrenie sovetskikh uchenykh v 1921–1953 gg.* [When Salaries were High: Financial Incentives for Soviet Scientists in 1921–1953]. *Rossiiskaia istoriia*, 6, 69–82.

Shal'nev, E. V. (2011). *Problema denezhnogo obespecheniia nauchnykh rabotnikov sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg.* [The Problem of Monetary Support for

Scientists of the Soviet State in the 1920s and 1930s]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 23, 617–621.

Vodichev, E. G. (2022). Ekonomicheskoe neravenstvo i sovetskii egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Khrushcheva [Economic Inequality and Soviet Egalitarianism: The Ideas and Ideals from Stalin to Khrushchev]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 1 (74), 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71)

Долгова Евгения Андреевна

доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: medievalis@list.ru

Dolgova, Evgeniya Andreevna

Dr. Hab (History), Professor
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: medievalis@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3902-7142>
Scopus AuthorID: 57195965998
WoS ResearcherID: E-7791-2017